

Черносотенная атака на Териоки

Информация о готовящемся черносотенном походе просочилась в прессу и насторожила финляндские власти. Опубликованы воспоминания териокского констебля Микко Порвали, который, в частности, рассказывал, что по мере подготовки августовского судебного заседания «в округе начали курсировать ужасные слухи о планах членов “Союза русского народа” прервать судебный процесс». «Рассказывали, — продолжал Порвали, — что собираются силой освободить обвиняемых, и говорили о том, что взорвут здание уездного суда. Все же начальник полиции, капитан Хиллман прибег к необходимым средствам предосторожности. В дополнение к собственным сорока полицейским он попросил прислать в помощь из Выборга двадцать-тридцать полицейских и двенадцать конных констеблей из Хельсинки».¹⁷⁷

В день судебного заседания стало ясно, что приготовления не были напрасными. Утром из Келломяк¹⁷⁸ сообщили, что туда в три часа ночи дополнительным поездом из Петербурга прибыло около трехсот черносотенцев, которые отправились пешком в Териоки вдоль железной дороги. Полицейских срочно разместили вокруг здания суда, создав тройную заградительную цепь. С нетерпением, напряженно ждали с семичасовым поездом вспомогательные отряды из Выборга и Хельсинки.¹⁷⁹ По свидетельству местной газеты, в день суда Териоки напоминал изготовившийся к вражеской атаке лагерь.¹⁸⁰

Порвали вспоминал: «Армия союзников, возглавляемая своим одетым в панцирь руководителем, бывшим офицером Еленевым, появилась в шесть часов утра». Когда к судебному зданию к девяти утра стали стекаться люди, они увидели здесь огромную толпу прибывших «союзников». Черносотенцы были остановлены полицейским заграждением, и их предводитель

¹⁷⁷ *Porvali M. Muistelma // Terijoki: kuvia ja kuvauksia entisestä kotipitäjästä. Lahti, 1951. S. 130–131.*

¹⁷⁸ Келломяки — с 1948 г. Комарово, один из поселков курортной зоны на Карельском перешейке, расположен в пяти километрах от Териок (Зеленогорска).

¹⁷⁹ *Porvali M. Muistelma. S. 130–131.*

¹⁸⁰ *Terijoki. 1909. 28 августа. S. 2–3.*

Териоки утром 12 августа 1909 г., перед заседанием суда.

Териоки 12 августа 1909 г., у дома купца Эсы Мустонена, в котором заседал суд.

«дерзко потребовал», чтобы его людей пустили во двор суда. Однако в суд пропустили по выданным накануне билетам, и Еленеву было предоставлено их пятнадцать штук, которые он и распределил.¹⁸¹ Остальные черносотенцы отказались от попыток попасть на суд и рассеялись по деревне. Позже их, бродивших по Териокам, расспрашивали, в чем состояла цель их поездки, но многие и сами этого не знали. Они рассказывали, что им купили билеты и обещали по бутылке водки и по рублю на человека.¹⁸²

Прибыли отдельно Булацель и Соколов. На восьмичасовом поезде доставили из Выборга Юскевича-Красковского, тем же поездом прибыло подкрепление — сорок выборгских полицейских. Юскевич, высокий и статный брюнет с небольшой бородкой с проседью, слегка пошатываясь и прихрамывая (из-за недавно перенесенной операции), под усиленным конвоем направился в здание суда. В девять часов утра прибыли Вебер и известный присяжный поверенный, будущий министр юстиции Временного правительства А.С. Зарудный.¹⁸³ В зал суда ввели Егора Ларичкина, производившего впечатление типичного рабочего: одет он был в ситцевую рубашку, рваный костюм и плохие сапоги. Зал суда был набит битком, присутствовало большое количество журналистов, как российских, так и иностранных.

Присяжные поверенные Г.Ф. Вебер и А.С. Зарудный. Фотография из журнала «Огонек» от 19 сентября 1909 г.

¹⁸¹ Речь. 1909. 13 августа. С. 3.

¹⁸² *Porvali M. Muistelma. S. 131.*

¹⁸³ Зарудному, впрочем, не удалось представлять интересы вдовы М.Я. Герценштейна на этом процессе, так как при нем не оказалось подлинника ее доверенности, как того требовали правила финского судопроизводства.

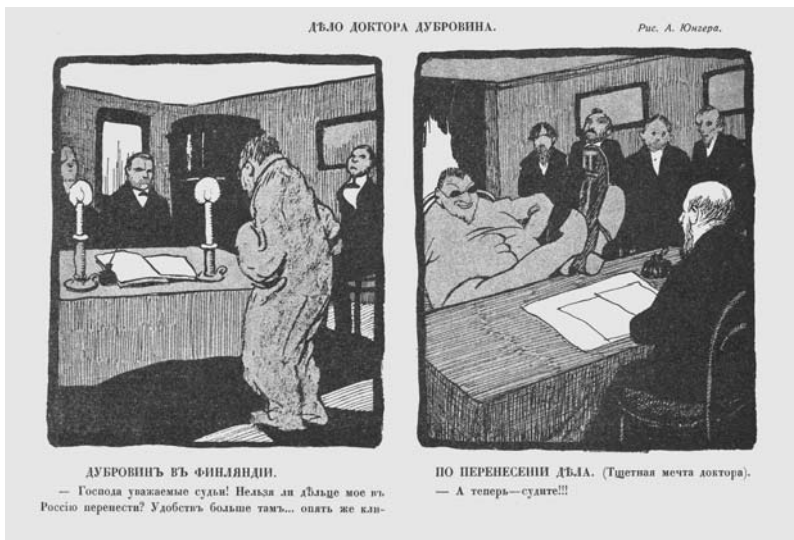

Егор Ларичкин в окне суда. 10 сентября 1909 г.

Судоговорение началось. Опуская ставшие уже привычными декларации Булацеля (он на этом процессе был защитником Юскевича-Красковского), его оскорбительные выпады в адрес суда и пикировки с судьей, сосредоточимся на содержательной стороне этого заседания. Пространный допрос Юскевича-Красковского показал, что тот полностью отрицает как свою вину, так и причастность СРН к убийству. Концепция Юскевича сводилась к тому, что Герценштейна и Иоллоса убили социал-демократы, и они же покушались на Витте. Сам Юскевич, конечно, бывал в Териоках, но ходил исключительно на митинги революционеров (финской красной гвардии, бундовцев и пр.), поскольку, как он пояснил, необходимо было быть в курсе их планов. Неожиданное оглашение показаний Ларичкина и выступление Пруссакова никак не повлияли на позицию Юскевича и Булацеля; правда, они не смогли и аргументированно возражать им. Судебный процесс был вновь перенесен, на этот раз на 9 сентября. На следующее заседание суда должны были быть вызваны новые свидетели; Дубровин вновь обязывался к явке в суд. Заседание завершилось под выкрики Булацеля о том, что Дубровин живым в суд не явится; покинувшие суд и обретавшиеся на улицах «союзники» отбыли в Петербург ближайшим поездом.

Дубровин и его сторонники не теряли надежды на возможность перенести процесс в Россию. Полуобояринова писала председателю СРН 14 августа: «теперь мы <...> и даже многие прежде бывшие равнодушными, будем уж жарить в газетах всю. <...> теперь оказывается война по всей линии <...>». ¹⁸⁴ И действительно, редкий номер «Русского знамени» обходился без пространной статьи, в которой русское правительство обвинялось в том, что оно «отдало себя на суд финляндских политиканов». «Очевидно, стоящие у власти министры, — писалось в одной из таких статей, — намерены посредством финляндского суда поугагать преданных самодержавию лиц раз навсегда с тою целью, чтобы при повторении мятежа они уже не выступали

¹⁸⁴ Расследование о деятельности союза русского народа, произведенное командированным в Чрезвычайную следственную комиссию судебным следователем по особо важным делам Петроградского окружного суда Александровым // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 862. Л. 33об., 34.

Карикатура из журнала «Сатирикон». Август 1909 г.

бы на защиту престола...».¹⁸⁵ Однако в результате длившегося скандала позиции Дубровина поколебались, и не только в правительстве, а и в рядах самих черносотенцев. Видный черносотенец, священник о. Иоанн Восторгов в своем интервью «Петербургской газете» декларировал свое отрицательное отношение «к деятельности главарей петербургского главного совета».¹⁸⁶ Подняли головы противники Дубровина в СРН, которые уже поздней осенью осуществили там фактический захват власти.¹⁸⁷

Измотанное скандалами правительство было вынуждено публично дистанцироваться от всей этой на шумевшей истории. 26 августа в газетах появилось правительственное сообщение по делу об убийстве М.Я. Герценштейна, в котором опровергались

¹⁸⁵ Русское знамя. 1909. 15 августа. С. 2.

¹⁸⁶ Цит. по: Речь. 1909. 14 августа. С. 1.

¹⁸⁷ Ослабление позиций Дубровина в полной мере выявилося после его возвращения в Петербург. Главный совет СРН пополнился группой его противников, и Дубровину было предложено отойти от активной деятельности и остаться почетным председателем СРН (Степанов С.А. Черная сотня в России. С. 252–261).

мнения «ряда изданий» о том, что «будто бы от правительства зависит выбор между “выдачей” и “невыдачей” судебным установлениям Финляндии тех русских уроженцев, которые <...> вызываются финляндским судом». ¹⁸⁸ В сообщении приводились те положения закона, по которым преступления, совершенные на территории Великого княжества Финляндского, должны рассматриваться его судом. ¹⁸⁹ Подчеркивалось, что именно император повелел поступить в точном соответствии с законом, то есть продолжать суд на территории Финляндии. ¹⁹⁰ Правда, чуть позже, и именно по итогам этого судебного дела, министр юстиции и царь пришли к выводу о необходимости отмены этого положения закона, однако к сентябрьскому судебному заседанию, запланированному в Кивеннапа, готовились по действовавшему законодательству.

Власти Выборгской губернии и полиция, помня о предыдущем нашествии черносотенцев на Териоки и об угрозах Булацеля вновь привести с собой свою «армию», готовились к сентябрьской судебной сессии основательно. Как и прежде, было вызвано подкрепление из Выборга и Хельсинки. Однако утром 9 сентября полицию ожидал сюрприз: обещанные «миллионы союзников» не явились. По наблюдениям журналистов, помимо Булацеля и прибывшего вместе с ним депутата Государственной думы адвоката и правого деятеля Г.Г. Замысловского, в Кивеннапа появилось примерно полтора десятка черносотенцев. «Речь»

¹⁸⁸ Речь. 1909. 26 августа. С. 2.

¹⁸⁹ Этот принцип был неоднократно обозначен в различных законодательных актах и закреплен в статье 216 Устава уголовного делопроизводства от 1864 г. Вот ее текст: «Дело о преступлениях или проступках, совершенных в империи жителями Царства Польского и Великого княжества Финляндского или в сих краях жителями империи, производится там, где совершено преступное деяние, и приговор постановляется по законам того края, где решено дело, но при этом судебные установления принимают в соображение права и преимущества, коими подсудимые пользуются в своем крае» (Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. СПб., 1866. С. 101). Впоследствии этот принцип был перенесен в финляндское уголовное уложение от 1894 г. (ст. 2). См.: Suomen suuriruhtinaanmaan rikoslaki, 19 p:ltä Joulukuuta 1889 ynnä siihen Asetuksilla 21 p:ltä Huhtikuuta 1894 tehdyt muutokset. Uusi painos. Helsinki, 1894. (= Pieni Asetus-Kokous 33), S. 3, pykälä 2.

¹⁹⁰ Речь. 1909. 26 августа. С. 2.

*Защитник Юскевича-Красковского,
присяжный поверенный Е.А. Никитин.
9 октября 1909 г.*

язвительно предположила, что у СРН кончились деньги на оплату проезда и водки для энтузиастов.¹⁹¹

Это заседание, как и прежние два, началось со скандала, и, как и прежде, его зачинщиком стал Булацель. Дело заключалось в том, что суд не позволил ни ему, ни Замысловскому стать защитниками Дубровина, так как Дубровин должен был явиться в суд лично, а не через поверенного. Не выполнив этого требования, он не мог иметь и защитника. Что же касается Юскевича-Красковского, то его защитником по его же просьбе был назначен присяжный поверенный Е.А. Никитин. Таким образом, ни Булацель, ни Замысловский ни в ка-

ком качестве не могли участвовать в процессе. Суд отказал и Зарудному, просившему позволить Булацелю и Замысловскому участвовать в процессе: по финским законам, пояснил Селин, обвиняемый не может иметь более одного защитника.

Это решение суда вызвало у Булацеля истерический припадок. Он безостановочно выкрикивал: «Я русский дворянин! Я немедленно телеграфирую министру внутренних дел! Довольно издевательства! Должен же наступить конец!» — и никакие увещания судьи на него не действовали. После того как Булацель с силой ударил портфелем об стол судьи, в дело вмешались полицейские, потребовавшие, чтобы он покинул зал заседаний.

¹⁹¹ Речь. 1909. 10 сентября. С. 2.

Рисунок из журнала «Огонек» от 19 сентября 1909 г.

И тут неистовый черносотенец, крича, что не даст финляндцам арестовать себя, извлек из кармана револьвер. Полицейский офицер выбил оружие у него из рук, после чего распоясавшийся адвокат был силой выведен из зала суда. Заседание возобновилось, и в качестве компромисса судья разрешил Замысловскому сменить Никитина в том случае, если тот почему-либо не сможет продолжать защиту Юскевича-Красковского. Павел Булацель более на суде не появлялся.¹⁹²

Думбадзе против Бекмана

Этот инцидент имел неожиданное продолжение для генерал-губернатора Финляндии В.А. Бекмана. Тринадцатого сентября он получил телеграмму из Ялты, от градоначальника И.А. Думбадзе. Тот писал:

Неописуемое праздничное настроение и торжество на южном берегу Крыма по случаю нахождения среди нас горячо любимого нашего самодержца и августейшей его семьи

¹⁹² Там же. С. 3; *Porvali M. Muistelma*. S. 131–132.